

КРЫМСКО-ОСМАНСКИЕ КОНТАКТЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИМ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1806–1812 ГГ.

Денис Валериевич Конкин

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия, denis_konkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6966-9963>

Аннотация. В настоящей статье на основе опубликованных источников, а также впервые вводимых в научный оборот документов рассмотрены отдельные аспекты крымско-османских контактов. В частности, таких, которые со стороны Турции были направлены на дестабилизацию положения внутри Крыма накануне и во время русско-турецкого конфликта 1806–1812 гг., проанализированы ответные действия российских властей на возникшие вызовы внутренней и внешней политики. Продемонстрировано, что комплекс предпринятых российскими властями мероприятий показал позитивный результат, и обстановка внутри полуострова оставалась стабильной в период всего русско-турецкого конфликта и во время вторжения Наполеона в Россию.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, крымские татары, Турция, янычары, внутренняя политика, Александр I, И. В. Лопухин, Д. Б. Мертваго

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время».

THE CRIMEAN-OTTOMAN CONTACTS AND THE RUSSIAN AUTHORITIES' REACTION ON THE EVE AND DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1806-1812

Denis V. Konkin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Science, Simferopol, Russia, denis_konkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6966-9963>

Abstract. This article uses already published sources and the documents introduced into the scholarship for the first time to analyse some specific aspects of the Crimean-Ottoman contacts. Particularly, the research addresses the contacts used by Turkey to destabilise the situation in the Crimea on the eve and during the Russian-Turkish conflict of 1806-1812 and analyses the response from the Russian authorities on the emerging challenges of home and foreign policies. It has been uncovered that the complex of the measures undertaken by the Russian government brought up positive results, and the situation on the Crimean peninsula continued to be stable throughout the period of the Russian-Turkish conflict and later, during Napoleon's Russian campaign.

Keywords: Russian empire, Crimea, Crimean Tatars, Turkey, janissaries, home policy, Alexandre I, I. V. Lopukhin, D. B. Mertvago

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 20-18-00076 supported by Russian Science Foundation.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. стало важнейшим внешнеполитическим событием, радикальным образом изменившим баланс сил в регионе¹. Статус полуострова, как внутренней территории государства, предоставил Российской империи возможность безопасно и успешно развивать свои причерноморские владения. Грамотно проведенная Г. А. Потемкиным процедура мирного присоединения позволила России в краткосрочной перспективе добиться признания и поддержки российского статуса Крыма, как среди «главных игроков» европейской политики – Австрии, Англии и Франции [48; 44, с. 52–54, 72–73; 29, с. 620–621; 6, с. 402–403], так и со стороны османской Турции [27, т. 21, № 15901, с. 1082–1083; 48, с. 58–60]. Но, как оказалось, данное обстоятельство вовсе не гарантировало от попыток иностранных государств изменить ситуацию и отобрать полуостров у России. Уже в 1787 г. началась русско-турецкая война, одной из целей которой со стороны османской Порты являлось возвращение Крыма под свой контроль [12, с. 247–248; 13, с. 225]. В 1788 г. Швеция предъявила России ультиматум, где одним из пунктов числился возврат Крыма Турции [49, с. 385]. Резко поменяла свою позицию и Англия, которая всецело поддержала Турцию в войне с Россией 1787–1791 гг. [44, с. 73–74]. Сами османы в период конфликта 1787–1791 гг. неоднократно предпринимали попытки дестабилизировать ситуацию внутри полуострова, поднять антироссийский бунт среди местных мусульман [26, с. 60–67], в том числе апеллируя к авторитету кавказского проповедника шейха Мансура [17, с. 248; 27, с. 89–90].

Новые дипломатические интриги возникли после прихода к власти Наполеона во Франции. Геополитические устремления французского лидера в «восточном вопросе» в зависимости от внешнеполитических обстоятельств варьировались от раздела Османской империи до союзничества с султаном. В период «дружбы» с Турцией против России наполеоновские дипломаты ловко подыгрывали османской элите, обещая всевозможную помощь в вопросе возвращения полуострова [23, с. 546–550; 45, с. 72; 7, с. 5–6]. Серьезным аргументом в успехе задуманной стратегии по-прежнему являлся расчет на поддержку мусульманским населением Крыма своих турецких единоверцев в случае османо-российского конфликта.

К этому времени в самой Турции сформировалась крупная община крымских татар-эмигрантов, которая была стабильно враждебно настроена против Российской империи. По характеристике драгомана русской миссии в Константинополе П. Н. Пизани, крымские татары, переселившиеся в Турцию, питали «непримиримую ненависть» к русским, постоянно настраивали Порту против России, «в надежде возвратить свои старые очаги» [41, т. 82, с. 119; см. также: 48, с. 55]. Отдельные представители общины продолжали поддерживать связи с покинутой родиной и оставшимися в Крыму родственниками, и через них турецкому правительству

¹ Статья является расширенной и переработанной версией доклада, представленного автором в 2019 г. на III Международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (6–8 июня 2019 г., г. Севастополь).

было достаточно просто получать необходимые сведения о Крыме, равно как и осуществлять подрывную деятельность, распространять провокационные слухи среди мусульманского населения полуострова. Известия о тайных агентах и пойманных провокаторах можно найти, как в архивных делах рассматриваемого периода, так и в воспоминаниях современников [18, с. 339; 31, с. 136–137, 143–145].

Необходимо отметить, что проблема крымско-османских контактов в период нахождения Крыма в составе Российской империи не так часто рассматривалась в обширной крымоведческой историографии. Отдельные аспекты проблемы затрагивались в работах исследователей еще дореволюционного времени. Крымско-турецкие связи конца XVIII в. были рассмотрены в публикациях Ф. Ф. Лашкова [25–27]. Специальная работа по истории Крыма в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. была подготовлена А. И. Маркевичем [30]. Важные факторы внешнеполитической обстановки, мобилизационных, военных мероприятий в регионе были освещены в обобщающих работах по истории русско-турецких войн изучаемого периода [32; 35]. Значимые документы эпохи были опубликованы в известных периодических изданиях [41, т. 82; 17; 18]. В советский период русско-турецкие приграничные контакты рассматривались отечественными историками-марксистами в большей степени в привязке с Кавказским регионом и с обязательным осуждением проводимой турками подрывной политики среди горских народов [см.: 42; 43, с.135–170; 1; 4; 11]. В современных условиях можно отметить возрождение интереса к крымской тематике, в том числе в контексте локальных крымско-османских связей [55; 14; 9].

В настоящей работе на основе опубликованных источников, а также впервые вводимых в научный оборот документов рассмотрены отдельные аспекты крымско-турецких контактов. В частности, таких, которые со стороны Турции были направлены на дестабилизацию отношений внутри Крыма накануне и во время русско-турецкого конфликта 1806–1812 гг., проанализированы ответные действия российских властей на возникшие вызовы внутренней и внешней политики.

Весной 1803 г. николаевский военный губернатор, управляющий гражданской частью в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях (т. н. «главный начальник» Новороссии) генерал-лейтенант Сергей Андреевич Беклешов направил министру внутренних дел Российской империи Виктору Павловичу Кочубею секретную депешу, в которой содержался доклад известного деятеля русского масонства, председателя учрежденной в Крыму землеустроительной комиссии, тайного советника и сенатора Ивана Владимировича Лопухина. Лопухин сообщал, что на Южном берегу Крыма проживает много бывших турецкоподданных, которые «ныне называются татарами»², и что среди них много осталось военных-ветеранов, служивших ранее в янычарских полках в гарнизонах крымских крепостей, принадлежавших османам (Кафа, Керчь, Еникале, Арабат, Перекоп и т. д.). Все они имели

² Следует напомнить, что южнобережная полоса полуострова в период Крымского ханства (до 1774 г.) являлась владением османов.

определенные татуировки («знаки клейменные на руках»), означавшие принадлежность к тому или иному янычарскому полку³. И вот, с недавних пор, докладывал Лопухин, такие знаки стали обнаруживать у многих новорожденных, причиной чему являлся слух, распространившийся за год до смерти императора Павла I, о том, что Оттоманская Порта объявит войну России. Той же зимой (т. е. 1800 г.) «на полуденные берега приехал один турецкий дервиш, тайным образом шатался по деревням и делал на руках клеймы янычарские, как то рыба 25-й орды или полку турецкого, жезл турецкий значит 64-й орды...»⁴ [РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 219, л. 56в]. Далее Лопухин описывал, что двое жителей деревни Кучук-Узень (совр. Малореченское на Южном берегу Крыма) Тумбулак Мегмет и пятидесятник Ибриш, у которых имелись такие знаки, были опрошены. Специально отмечалось, что опрос проводился «без устрашения», «под видом любопытства» на татарском языке, так как русского они не знали. Оба подтвердили, что знаки эти точно янычарские. Ибриш рассказал, что татуировку сделал ему сослуживец по бешлейскому полку⁵ «без всякого противного присяге намерения». Происхождение янычарской символики на теле у Тумбулак Мегмета было иное. «Лет 8 или 10 назад» татуировку ему сделали, правда не до конца, находившиеся в Крыму плененные в Анапе янычары⁶, и вот они «подлинно склоняли перейти его с собою», но он отказался только потому, что воспротивилась его мать, «ныне же не имеет больше желания оставить здешний край». Тем не менее, «года два тому назад» Тумбулак Мегмет с помощью некоего Муллы Али (сына дервиша из д. Туак (совр. с. Рыбачье)) попытался закончить свою татуировку, а Мулла Али захотел и себе сделать такую же, «но за болью ни того ни другого окончить не могли». По завершении опроса Тумбулак Мегмет и Ибриш заявили, что «всё же сие сделали без всякого злого умысла, а как бы по удалству молодых лет...» [Там же, л. 56г (об.)].

³ Татуировки, как известно, были распространены и делались в янычарских полках [см.: 52, р. 40, 73; 54, р. 16].

⁴ Эти изображения (рыба, жезл) действительно являлись знаками отличия определенных янычарских подразделений (джемаатов (орта), бёлюков), которых насчитывалось более сотни, каждый со своими символами [36, с. 86]. Любопытно, что упомянутый 64-й орта принадлежал к числу наиболее известных. Янычары, состоявшие в нем, обязаны были следить за борзыми собаками (загар) султана и сами принимали участие в султанской охоте [36, с. 88–89]. Также являлись одним из двух подразделений, вооруженных кавалерийскими копьями [54, р. 16]. Следует отметить возможную неточность в докладе Лопухина в определении янычарских подразделений. В известной работе Луиджи Фердинандо Марсиллы по военной истории Османской империи приведена таблица, где каждый знак янычарского отряда сопровождался оригинальным номером орта [53, р. 62, pl. 20–22]. И в этой таблице под номером 64 помещен закрашенный круг (нора?), который никак нельзя принять за жезл. В то же время под номером 25 изображен шатер, на котором прорисована рыба, то есть именно тот символ, о котором говорилось в докладе Лопухина.

⁵ Воинские конные подразделения, сформированные из крымских татар, после присоединения Крыма к Российской империи состоявшие на службе в российской армии [см.: 40, с. 7–28].

⁶ В Крыму действительно в 1791 г. были размещены турецкие военнопленные вместе с трехбунчукным Батал-пашой [см.: 20, с. 28–29; 24, с. 137].

В конце донесения Лопухин с опаской отмечал, что многие жители Южного берега Крыма беспрепятственно получали от российской администрации паспорта для выезда в Константинополь. Но там они поступали на военную службу, при этом имели возможность приезжать к родственникам в Крым и уезжать обратно [Там же, л. 56в (об.)]. Все это в условиях назревавшего русско-турецкого военного конфликта не могло не вызывать беспокойства. Получивший данное секретное донесение Кочубей посчитал необходимым доложить обстоятельства дела императору Александру I.

Но еще ранее, 5 февраля 1803 г., Лопухин подготовил и отправил императору отдельный доклад «О подозрительных сношениях с Оттоманской Портою крымских жителей-магометан...», в котором сообщал об открытых им «небезосновательных подозрениях на предательные сношения с Оттоманскою Портою старинных здешних жителей всякого состояния магометан...» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 165, л. 1]. Отдельно оговаривал, что сведения он собирал «со всевозможной тайною, без спешности и строгости» и «самых подозрительных людей допрашивал ... без всякого стеснения их свободы» в соответствии с «политикой мудрого человеколюбия Вашего Императорского Величества» [Там же, л. 1–1 об.].

Императору Лопухин также сообщил об обнаруженных «янычарских знаках» у нескольких местных татар, сделанных уже после присоединения Крыма к России, которые, по мнению крымского чиновника, свидетельствовали о «приверженности их к Порте». Сами крымские татары, по словам чиновника, «ездя по паспортам в Турцию записываются в тамошнюю военную службу» [Там же, л. 2]. В качестве еще одного доказательства их неблагонадежности был представлен рапорт таврического губернского предводителя Е. И. Нотары, подлинник которого Лопухин приложил к императорскому докладу. В секретном документе Нотара сообщал о неоднократных нелегальных депутациях крымских татар и ногайцев в Константинополь с целью получить согласие османского правительства для переселения в Турцию. Нотара утверждал, что некоторым из них удалось даже найти протекцию в этом вопросе «у султанши матери правительствующего султана» (т. е. матери Селима III Михришах Султан). Благодаря ее участию и «посредством министерства турецкого» были подготовлены рекомендательные письма к новороссийскому военному губернатору И. И. Михельсону «о выпуске семейств их из Крыма», и в конечном итоге такое разрешение в 1801 г. «с Высочайшего Соизволения» Александра I было получено. Но так везло далеко не всем, и в большинстве своем депутаты от крымских татар не находили содействия в Турции («худой конец имели»). Нотара описывал, как осенью 1801 г. четверо крымских татар, заручившись поддержкой жителей ряда деревень Аккозской и Кадыкелечинской волостей Феодосийского уезда и собрав с них «знатную сумму денег», отправились в Константинополь «искать у турецкого правительства посредства на их переселение» в Турцию. Но возвратились оттуда без всякого успеха, чем вызвали недовольство снарядивших их крымских жителей. В свое оправдание потребовавшим отчета за потраченные деньги землякам делегаты

заявили, что «Порта ... совершенный сделала отказ», и что помимо них там были представители «из Козловской [Евпаторийской] округи, да и от ногайцев на Молочных водах кочующих, подобные поверенные старались о переселении же, и так же ни с чем возвратились». Перечисленные примеры позволили Нотаре сделать вывод о причастности крымскотатарских мурз к попыткам организовать эмиграционное движение из Крыма и, в целом, о высокой степени неблагонадежности местного мусульманского населения, «склонности к вероломству» и врожденной «ненависти к христианам» [Там же, л. 7–8].

Лопухин в своем докладе императору отдельно отмечал, что многочисленные свидетельства и подозрения в «неблагонадежности» крымских мусульман ему удалось получить «посредством усердия, верноподданства и любви к Отечеству» местного жителя подполковника Таранова [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 165, л. 2 об.]. Заметим, что крымский помещик Александр Таранов, равно как и высокопоставленный губернский чиновник греческого происхождения Евстафий Нотара, были напрямую заинтересованы в негативной оценке крымских татар из-за экономических причин. В этот период в Таврической губернии остро стояла проблема землевладения, связанная с неурегулированными правами на землю старожильского населения и российских помещиков, переселившихся в Крым после 1783 г. Получившие от имперской власти законодательные гарантии на свои участки крымские татары стали в массовом порядке заявлять свои права на земли, которые ранее были заняты новоприбывшими владельцами. В этой связи звучавшая со стороны российских помещиков татарофобская риторика, общие фразы об опасности, исходящей от местного мусульманского населения, следует рассматривать в контексте их борьбы за спорное имущество [22, с. 759–763].

Нужно отметить, что император Александр I, равно как и высшие администраторы империи, не были готовы разделить с крымскими чиновниками и помещиками мрачные оценки и прогнозы в отношении политической благонадежности и экономической состоятельности крымских татар. Именно в этот период в поддержку крымских мусульман стали высказываться влиятельные государственные деятели Российской империи, принимаются позитивные резолюции высших органов власти. Так, на состоявшемся 17 апреля 1802 г. в Санкт-Петербурге заседании Непременного совета крымскотатарские жители были признаны «важнейшей частью населения» полуострова, теми, кто уберет «сей край от совершенного его опустения», а причиной экономического упадка Крыма объявлено «стеснение прежних ея жителей, понудившее их к переселению из отечества, и настоящее положение оставшихся», в связи с чем, именно им было решено отдавать предпочтение при возникновении земельных споров с новоприбывшими российскими помещиками [3, т. 3, ч. 1, стлб. 843–854]. Известно, что содействие в решении земельных проблем крымским татарам оказывали новороссийский губернатор Михельсон и министр внутренних дел Кочубей [19, с. 377–380]. Причем Михельсон лично сумел проинформировать императора о подробностях проблемы, а Кочубей обсуждал вопросы крымского землевладения на засе-

дании влиятельнейшего «негласного комитета» [19, с. 379]. Сам Лопухин в статусе председателя землеустроительной комиссии в течение 1803–1804 гг. неоднократно встречался с императором и подробно рассказывал об обстоятельствах дел в сфере крымского землеустройства [28, с. 118–127], кроме того, в это же время подготовил проект по устройству духовной организации мусульман Крыма [2, с. 60–63].

Примечательна в этой связи реакция императора на сомнения в преданности крымских татар российскому государству, высказанные в докладах Беклешова и Лопухина. Александр I посчитал необходимым лично ответить новороссийскому губернатору, для чего направил ему 13 марта 1803 г. письмо с разъяснениями. «Я нахожу, – писал император, – что подозрения ... производимые ничего существенного в себе не содержат. Не только татары, но и прочие европейцы часто записываются по введенному обычаю в орды янычарские: сие не более значит, как записаться у них в какое-нибудь купечество или мещанство. С сим никак не сопрягается обязанность действительной службы, ни подданство; а еще менее приобретается право быть независимым в той земле, где таковые записанные янычары пребывают: ибо по принятому во всех европейских государствах правилу, все иностранцы подвергаются действию законов той страны, где они жительство имеют...» [РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 219, л. 57–57 об.].

В данном случае представляется необходимым прокомментировать отклик российского монарха и акцентировать внимание на некоторых аспектах. Во-первых, как видно, присутствовала некоторая наивность в представлениях императора об османском янычарском ордене и традициях, согласно которым, по версии Александра I, крымско-татарские мусульмане-янычары должны были смириться с новыми геополитическими реалиями и беспрекословно подчиняться законам христианского правителя. Такая покорность присутствовала далеко не всегда даже среди мирных жителей полуострова (здесь можно вспомнить предотвращенные российскими властями попытки возмущения крымских татар под призывы шейха Мансура в 1791 г., в результате которых пришлось выслать из Крыма несколько наиболее фанатичных последователей духовного лидера [17, с. 289–293]), тем более сложно было ожидать ее в рядах элитных османских бойцов, неоднократно участвовавших в войнах против христиан, в том числе и в Крыму. Под европейскими «ордами янычарскими» Александр I, скорее всего, подразумевал т. н. «хоругви янычар» в армии Речи Посполитой, которые среди прочих подразделений были сформированы еще в 1717 г. на «Немом» сейме, как результат соглашения между королем Августом II и магнатами и шляхтой Польского королевства и Великого княжества Литовского [см.: 57, s. 19; 58, s. 194, 197–201; 46]. Эти отряды в разных сочетаниях сохранялись в армии Великого княжества Литовского вплоть до раздела Польши [58, s. 403; 47, с. 53] и только по внешнему «восточному» облику напоминали турецких янычар [см.: 10], а по сути своего функционирования, принципам формирования, конечно, ничего общего не имели с янычарами Османской империи, профессиональными воинами ислама, с детства обучавшихся боевому искусству и составлявших влиятельное военное сословие.

Во-вторых, обращает на себя внимание, что «татары» в письме Александра I перечислены среди «прочих европейцев». Такая формулировка показывает, насколько молодой император был чужд расхожему противопоставлению «цивилизованной» Европы «варварскому» Востоку, популярному среди западных государственных деятелей рассматриваемого времени и проявлявшемуся, в частности, в антиисламской и, прежде всего, антиосманской риторике [34, с. 71–73, 83–89; 39, с. 115–119, 126–138]. Стандартный ориентальный дискурс был широко распространен среди западноевропейских философов и литераторов эпохи Просвещения («восточный маскарад», по меткой характеристике М. Батунского [5, с. 216, прим. 37]) и, конечно, оказывал определенное воздействие на монархов и политиков. В необходимости проведения агрессивной внешней политики в отношении Турции, например, в свое время Вольтер настойчиво пытался убедить Екатерину II [16, с. 33–45]. Обратим внимание, что и в дальнейшем, в постнаполеоновскую эпоху, Александр I хотя и стал выразителем консервативного христианского легитимизма во внешней политике [34, с. 90] и «универсального» христианства во внутренней [8, с. 420, 425–426], однако не оставил своей благосклонности по отношению к крымским мусульманам и предпринимал попытки справедливо решить их проблемы, связанные, например, со сферой земельных отношений в Крыму [38, с. 135–144].

Следует особо отметить, что данное послание Александра I с комментариями и рекомендациями в отношении подсудности османских подданных не осталось частным мнением монарха, а получило значение одного из источников права Российской империи, регламентировавшего порядок осуществления конкретных юридических действий для определенной категории лиц – мусульман-иностранцев, проживавших на территории России. И спустя почти 30 лет, при подготовке к изданию первого Полного собрания законов Российской империи, письмо императора было включено составителями в 27-й том данного сборника, как разъяснительная часть к соответствующему указу [37, т. 27, № 20663, с. 498–499].

Между тем, обеспокоенность чиновников южных провинций потенциальной дестабилизацией региона имела под собой определенные основания, поскольку внешнеполитические риски в рассматриваемый период были высоки не только на внутриевропейской политической арене, в связи с наступательной политикой Наполеона, но и во всем Большом Средиземноморье и, в частности, в Причерноморском регионе, где ожидался новый русско-османский конфликт. В мае 1803 г. константинопольский посол А. Я. Италинский предупреждал Беклешова, что французские дипломаты ведут в Турции подрывную работу в отношении России, одновременно губернатор стал получать сведения о распространении слухов среди кавказских горцев о предстоящей войне Оттоманской Порты с Российской империей [23, с. 547]. Аналогичные сведения поступали и к командующему черноморским флотом адмиралу И. И. Траверсе [50, с. 93]. Российские дипломаты в это время регулярно информировали имперское правительство о враждебных действиях французов в Константинополе, направленных на подстрекательство к вооруженному конфликту

с Россией [41, т. 77, с. 350–351, 438–439, 490, 679; т. 82, с. 10–11, 182, 200, 222, 237, 315–316, 391]. Как говорилось выше, одним из весомых аргументов в пользу развязывания войны традиционно являлся крымский фактор и потенциальная возможность вернуть полуостров в орбиту влияния Турции [45, с. 76–77].

В данном контексте большой интерес представляют сведения, изложенные в мемуарах таврического губернатора Дмитрия Борисовича Мертваго [31]. Чиновник вспоминал, как в 1806 г. накануне русско-турецкой войны Бендерский и Хотинский паши велели отыскать в подчиненных им гарнизонах офицеров – крымских татар, у которых оставалась многочисленная родня в Крыму, и, пользуясь действовавшим еще миром, отправили их на полуостров для ведения подрывной пропаганды среди местных мусульман. Когда Мертваго получил информацию о пропуске этих татар через Дубоссарский карантин, то велел установить за ними наблюдение. Далее губернатору были доставлены провезенные визитерами через границу письма-прокламации, спрятанные в мешке с ячменем и потому не найденные во время карантинной проверки, но изъяты позднее. В прокламациях описывались привлекательность и благоденствие для мусульман жизни в Турции, из чего Мертваго сделал вывод, что османские воины прибыли в Крым возмущать татар накануне войны. Дождавшись приезда новороссийского губернатора Э. О. Ришелье, он предложил ему арестовать этих военнослужащих. Но славящийся лояльным отношением к крымским татарам француз [см.: 56, р. 639–640] распорядился отпустить их, и провокаторы благополучно покинули Крым и Россию [31, с. 136].

В том же 1806 г., но уже после начала военного конфликта, Мертваго был доставлен рапорт от евпаторийского земского исправника «о заговоре к бунту». Из донесения следовало, что двое крымских татар, бывших уроженцев евпаторийского уезда, прибыли из Константинополя на полуостров в гости к родственникам и начали распространять среди местных жителей слухи о том, что в скором времени к крымским берегам должны подойти турецкие корабли и высадить десант, в связи с чем татары-мусульмане обязаны будут оказывать им помощь в уничтожении российской власти в Крыму. Когда же заморским гостям было заявлено, что местный народ «любит губернатора» и предложенный бунт невозможен, османские диверсанты поменяли свою тактику. Теперь их план, по словам губернатора, состоял в том, чтобы арестовать или даже убить «сумнительного» местного волостного голову, а затем ехать в ближайшую к Симферополю татарскую деревню, где нашлось бы достаточное количество единомышленников, и с ними вместе незаметно проникнуть в губернский город и схватить самого Мертваго, отрубить ему голову и водрузить на пику, таким образом окончательно склонив сомневающихся татар к повсеместному бунту. Получив эти сведения, Мертваго велел волостному голове доставить провокаторов в Симферополь, но они оказали сопротивление, укрылись в каменном строении в одной из деревень и угрожали открыть стрельбу. После угрозы Мертваго выслать всех жителей округа из Крыма, как соучастников, если провокаторы не сдадутся, быстро были отысканы мать одного из них и родственники,

которые уговорили мятежников сложить оружие. В Симферополе «бунтовщики» были допрошены порознь и выяснилось, что еще год назад (т. е. в 1805 г.) они выехали из Константинополя с целью «волновать крымцев». А один из них, служа у высокопоставленного османского чиновника, был даже представлен султану. И султан якобы ему велел: «Ступай в Крым, узнай, много ли там войска, и узнай, хотят ли татары служить мне или хотят быть верны государю русскому?». Диверсанты-возмутители в итоге были закованы в кандалы и отосланы в Николаев в распоряжение командующего Черноморским флотом адмирала Траверсе [31, с. 143–145], который, в отличие от Ришелье, был сторонником «жесткой линии» по отношению к крымским татарам в период военного времени [см.: 50, с. 225; 32, ч. 1, с. 272]. Заметим, что в изложенных Мертваго случаях в качестве провокаторов и диверсантов османской властью были использованы исключительно крымские татары-эмигранты, имевшие многочисленных родственников в Крыму. Именно на опасность таких связей указывали в своих докладах Лопухин и Беклешов.

Выше было показано, что реакция императора на тревожные донесения чиновников оказалась весьма сдержанной. Насколько оправданы были такой уровень доверия власти к мусульманскому населению Крыма и сохранение высокой степени проницаемости границ в преддверии русско-турецкой войны, продемонстрировали последующие события. Как известно, в период военного конфликта с Турцией, начавшегося в ноябре 1806 г. и закончившегося в 1812 г., в Крыму не было зафиксировано сколько-нибудь значимого открытого выступления мусульманского населения против российской власти в поддержку Турции. Данному обстоятельству в немалой степени способствовали квалифицированные действия регионального руководства, грамотно выстраивавшего отношения с местной мусульманской общиной [23, с. 550–554; 31, с. 138–140]. Превентивные меры на случай возможного сообщения крымских татар с турецким флотом, курсировавшим вдоль побережья, включали, в том числе, и временное отселение жителей приморских деревень вглубь полуострова. Эти мероприятия были выполнены российскими властями с помощью крымскотатарских мурз и при поддержке таврического муфтия, что минимизировало риски неповиновения и проявления открытого недовольства среди населения [30, с. 19–26]. Важным элементом контроля над ситуацией внутри Крыма являлась отлаженная система наблюдения за настроениями в обществе и получения информации из отдаленных районов. Кроме губернских органов власти, которые в уездах в значительной степени оставались укомплектованными хорошо осведомленными о ситуации внутри уммы крымскотатарскими кадрами [см.: 30, с. 21–22], для отслеживания настроений общества использовались и, на первый взгляд, не предназначенные для этого государственные структуры. Например, задействована была учрежденная в 1802 г. в Симферополе землеустроительная комиссия, первым руководителем которой являлся Лопухин. Сменивший его на этом посту таврический губернатор Мертваго сообщал в письме Траверсе от 1 марта 1807 г., что «не объявляя никому причины» распределял специально назначенных сотрудников комиссии

таким образом, чтобы они находились «во всех местах, наиболее примечания заслуживающих». Кроме того, в Симферопольском, Феодосийском и Евпаторийском уездах штаты нижних земских судов были усилены двумя офицерами «из греков», под предлогом, что заседатели слишком заняты делами комиссии. «Сии люди по препоручениям земских исправников всегда находятся в посылках по уезду. Зная язык татарский, они удобнее примечают расположение людей» [30, с. 20].

Комплекс предпринятых властями действий показал позитивный результат, и обстановка внутри Крыма оставалась спокойной в период всего русско-турецкого конфликта и во время вторжения Наполеона в Россию [см. незначительные эпизоды: 30, с. 61–63]. Только в 1813 г. документально зафиксированы заметные случаи недовольства крымскотатарского населения (главным образом находящегося в горах жителей Байдарской долины) действиями российской администрации. Но связаны эти факты были не с внешним влиянием, а с сопротивлением экстраординарному воинскому набору, предназначенному для доукомплектования сформированных ранее крымскотатарских конных полков, понесших значительные потери в результате войны с Наполеоном. Все конфликты удалось оперативно погасить. Было арестовано 14 главных зачинщиков, остальные подозреваемые оказались вскоре прощены в силу манифеста от 30 августа 1814 г., который среди прочего предусматривал освобождение от суда и следствия по всем делам, кроме убийств, разбоя и грабежа [30, с. 69–82; см. также: 37, т. 32, № 25671, с. 906–910]⁷. Что касается турецкого влияния, то, как было показано выше, все зафиксированные попытки османских властей каким-либо образом повлиять на умонастроения мусульман Крыма, поднять антироссийский бунт не имели успеха. В связи с чем можно сделать вывод, что выстроенная российской властью система доверительных отношений с мусульманами Крыма, отказ от радикальных мер себя вполне оправдали. Такие действия в Крыму не были беспечностью или результатом случайного стечения обстоятельств со стороны российской власти, а являлись вполне осознанной консенсусной политикой высших должностных лиц Российской империи и лично императора Александра I, которой он не изменял на протяжении всего своего правления. Данный вывод подтверждается как вышеупомянутыми фактами, так и более поздними мероприятиями по поддержке старожильческого населения Крыма в сфере землевладения и налогообложения, инициированными лично императором [см.: 38, с. 135–144; 21, с. 96–100], а также позитивными откликами Александра I о крымских татарах, высказанными, например, во время путешествия царственной особы по полуострову в 1818 г. [33, с. 91, 101; 51, с. 102–103].

⁷ Имеется, правда, сообщение врача морской службы Н. Закревского, который в своем описании Севастополя в 1831 г., опубликованном в «Морском сборнике», передавал рассказ местного старожилы Лейбы Ашуровича Фронштейна о возмущении татар Байдарской долины в июле 1810 г., накануне появления на внешнем рейде Севастополя турецкой эскадры [15, с. 56–61]. Но, вполне возможно, упомянутое происшествие хронологически относилось как раз к описанным событиям 1813 г., упомянутым в работе А. И. Маркевича, и за давностью событий были «удревнены» рассказчиком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 101–125.
2. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004.
3. Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 3. Царствование императора Александра I. (1801–1810 гг.). Ч. 1. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1878.
4. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. М.: Госполитиздат, 1950.
5. Батунский М. Ислам и русская культура XVIII века. Опыт историко-эпистемологического исследования // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 191–224.
6. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1885.
7. Виноградов В.Н. Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Необъявленная и предгрозовая // Славяноведение. 2012. № 3. С. 3–19.
8. Вишленкова Е.А. Религиозная политика в России (первая четверть XIX века): дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Казань, 1998.
9. Гребенщикова Г.А. Россия и Турция при Екатерине II: борьба за Крым и военно-политическое противостояние // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 4–21.
10. Грицкевич А.П. Янычары в Белоруссии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wars175x.narod.ru/unf_jns.html (дата обращения 18.09.2020).
11. Даниялов А.Д. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля. Махачкала: Даггиз, 1950.
12. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886.
13. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М.: Наука, 1997.
14. Зайцев И.В., Крол А.А. «Вражьи рифмы»: первый египетский кризис, хадж из Крыма и египетская пропаганда среди крымских татар в 1832 г. // Восток (Oriens). 2016. № 5. С. 91–104.
15. Закревский Н. Севастополь, 1831 год. (Записки врача морской службы) // Морской сборник. 1862. Т. 58. № 3. Март. Ч. III. С. 44–85.
16. Зорин А.Л. «Корма двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
17. [Каховский В.В.] Письмы правителя Таврической области В. В. Коховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада Е.С. князю Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. № 10. С. 235–360.
18. [Каховский В.В.] Письма Екатеринославского губернатора Василия Васильевича Коховского состоящему при делах Ея Величества Екатерины II, тайному советнику В. С. Попову, для доклада князю Плутону Александровичу Зубову (с 20 января 1782 по 24 июня 1794 года) // ЗООИД. 1881. № 12. С. 330–426.
19. Конкин Д.В. Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): «мнения» и «проекты» // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 375–390.
20. Конкин Д.В. Екатерина II во главе Новороссии (1791–1793 гг.): особенности управления Таврической областью // Сборник материалов научно-практической конференции «Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии». Севастополь: Рибест, 2017. С. 25–34.
21. Конкин Д.В. Особенности налогообложения крымских татар в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 94–102.
22. Конкин Д.В. Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): новые люди со старыми взглядами // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 756–768.
23. Конкин Д.В. Крым в наполеоновскую эпоху: «французский след» в региональной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 540–559.
24. Конкин Д.В. Шейх Мансур и его последователи в Крыму (конец XVIII в.) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регио-

- ном и странами Востока: материалы IV междунар. науч. конф. (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). Т. 2 / Отв. ред. А. Д. Васильев. М., 2020. С. 134–139.
25. [Лашков Ф.Ф.] Крымско-турецкие дела 80-х годов XVIII столетия // ЗООИД. 1894. № 17. Ч. 3. С. 155–162.
 26. Лашков Ф.Ф. Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787–1791 года // ИТУАК. 1889. № 8. С. 52–87.
 27. Лашков Ф.Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 г. // ИТУАК. 1890. № 9. С. 71–98.
 28. Лопухин И.В. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы Действительного Тайного Советника, Сенатора И.В. Лопухина, сочиненные им самим. Часть 2-я и последняя // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при московском университете. Повременное издание. 1860. Кн. 3 (июль-сентябрь). Отд. II. Материалы отечественные. С. 83–172.
 29. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
 30. Маркевич А.И. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк // ИТУАК. 1913. № 49. С. 1–100.
 31. Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824). СПб.: Русская симфония, 2006.
 32. Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 г. Ч. 1, 2. СПб.: Тип. штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1843.
 33. [Михайловский-Данилевский А.И.] Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1818 г. Гл. I–III // Русская старина. 1897. Т. 91. Вып. 7–9 (Июль). С. 69–102.
 34. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова, предисл. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004.
 35. Петров А. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. 1806 и 1807 гг. Михельсон и Мейендорф. СПб.: Военная типография, 1885.
 36. Петросян И.Е. Янычары в Османской империи. Государство и войны (XV – начало XVII в.). СПб.: Наука, 2019.
 37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.
 38. Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020.
 39. Саид Э. Ориентализм. СПб.: Русский мир, 2005.
 40. Сакович А.В. Крымские татары на военной службе Российской империи. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016.
 41. Сборник императорского русского исторического общества. 1891. Т. 77; 1892. Т. 82
 42. Смирнов Н.А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 19–39.
 43. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Изд-во соц.-экон. литературы, 1958.
 44. Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы средиземноморья (1798–1807). М.: Изд-во АН СССР, 1962.
 45. Храпунов Н.И. Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 69–86.
 46. Чаропка С.А. Войска ВКЛ у святле важнай рэформы 1717 г. // Научные труды Республиканского института высшей школы: сб. науч. статей: в 2 ч. / ред. В. Ф. Берков. Минск: РИВШ, 2012. Ч. 1. С. 336–343.
 47. Черепко С.А. Эволюция системы воинских знаков отличия в армии Великого княжества Литовского в XVIII – начале XIX вв. // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2019. № 4 (115). С. 50–54.
 48. Черкасов П.П. Франция и присоединение Крыма к России (1779–1783) // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 37–61.

49. Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М.: Наука, 2004.
50. Шатне М. дю Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского / пер. с фр. М. Л. Андреева; отв. ред. Г. Б. Удинцев. М.: Наука, 2003.
51. Шильдер Н.К. Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. Т. 4. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1898.
52. Goodwin G. The Janissaries. London: Saqi, 2006.
53. Marsigli L.F. L'Etat Militaire de l'Empire Ottoman. P. II. Haye: P. Gosse & J. Neaulme, P. de Hondt, A. Moetjens; Amsterdam: H. Uytwerf, F. Changuion, 1732.
54. Nicolle D. The Janissaries. London: Osprey Publishing, 1995. 64 p.
55. O'Neill K.A. Claiming Crimea: A History of Catherine the Great's Southern Empire. Yale: University Press, 2017.
56. Rambaud A. Le duc de Richelieu en Russie et en France // Revue des deux mondes. 1887. Vol. 84. P. 618–662.
57. Twardowski B. Wojsko Polskie Kosciuszki w roku 1794. Poznan: Nakladem Ksiegarni Katolickiej, 1894.
58. Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. T. VI. Petersburg: Nakladem I drukiem Josafata Ohryzki, 1860.

REFERENCES

1. Adamov E., Kutakov L. Iz istorii proiskov inostrannoy agentury vo vremya kavkazskikh voyn. *Voprosy istorii*, 1950, No. 11, pp. 101–125.
2. Arapov D.Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.)*. Moscow, MPGU Publ., 2004.
3. *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta. Vol. 3. Tsarstvovaniye imperatora Aleksandra I. (1801–1810 gg.)*. Part 1. St-Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya E.I.V. Kantselyarii, 1878.
4. Bagirov M.D. *K voprosu o kharaktere dvizheniya myuridizma i Shamilya*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1950.
5. Batunskiy M. Islam i russkaya kul'tura XVIII veka. Opyt istoriko-epistemologicheskogo issledovaniya. *Mir islama*, 1999, No. 1/2, pp. 191–224.
6. Brikner A.G. *Istoriya Ekateriny Vtoroy*. Vol. 2. St-Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1885.
7. Vinogradov V.N. Russko-turetskaya voyna 1806–1812 godov. Neob'yavennaya i predgrozovaya. *Slavyanovedeniye*, 2012, No. 3, pp. 3–19.
8. Vishlenkova E.A. *Religioznaya politika v Rossii (pervaya chetvert' XIX veka)*. Text of doctorat. diss. Kazan, 1998.
9. Grebenshchikova G.A. Rossiya i Turtsiya pri Ekaterine II: bor'ba za Krym i voyenno-politicheskoye protivostoyaniye. *Voprosy istorii*, 2020, No. 2, pp. 4–21.
10. Gritskevich A.P. *Yanychary v Belorussii*. URL: http://wars175x.narod.ru/unf_jns.html (accessed: 18.09.2020)
11. Daniyalov A.D. *Ob izvrashcheniyakh v osveshchenii myuridizma i dvizheniya Shamilya*. Makhachkala, Daggiz Publ., 1950.
12. Dubrovin N.F. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze*. Vol. 2. St-Petersburg, Tip. I.N. Skorokhodova, 1886.
13. *Ekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaya perepiska 1769–1791*. Moscow, Nauka Publ., 1997.
14. Zaytsev I.V., Krol A.A. "Vrazh'i rifmy": pervyy egipetskiy krizis, khadz iz Kryma i egipetskaya propaganda sredi krymskikh tatar v 1832 g. *Vostok (Orients)*, 2016, No. 5, pp. 91–104.
15. Zakrevskiy N. Sevastopol', 1831 god. (Zapiski vracha morskoy sluzhby). *Morskoy sbornik*, 1862, Vol. 58, No. 3, part 3, pp. 44–85.
16. Zorin A.L. "Kormya dvuglavogo orla...". *Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney tret' XVIII – pervoy tret' XIX veka*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2004.

17. [Kakhovskiy V.V.] Pis'my pravitelya Tavricheskoy oblasti V. V. Kokhovskogo pravitelyu kantselyarii V. S. Popovu dlya doklada E.S. knyazyu G. A. Potemkinu-Tavricheskomu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, 1877, No. 10, pp. 235–360.
18. [Kakhovskiy V.V.] Pis'ma Ekaterinoslavskogo gubernatora Vasiliya Vasil'yevicha Kokhovskogo sostoyashchemu pri delakh Eya Velichestva Ekateriny II, taynomu sovetniku V. S. Popovu, dlya doklada knyazyu Platonu Aleksandrovichu Zubovu (s 20 yanvarya 1782 po 24 iyunya 1794 goda). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, 1881, No. 12, pp. 330–426.
19. Konkin D.V. Zemel'nyye konflikty v Krymu (konets XVIII – nachalo XIX vv.): «mneniya» i «proyekty». *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 375–390.
20. Konkin D.V. Ekaterina II vo glave Novorossii (1791–1793 gg.): osobennosti upravleniya Tavricheskoy oblast'yu. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii «Romanovy i Krym. Nauchnyye chteniya v Livadii»*, Sevastopol, 2017, pp. 25–34.
21. Konkin D.V. Osobennosti nalogooblozheniya krymskikh tatar v pervyye desyatletiya posle prisoyedineniya Kryma k Rossiyskoy imperii. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva*, 2017, No. 9, pp. 94–102.
22. Konkin D.V. Rossiyskiye pomeshchiki v Krymu (konets XVIII – nachalo XIX vv.): novyye lyudi so starymi vzglyadami. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 756–768.
23. Konkin D.V. Krym v napoleonovskuyu epokhu: «frantsuzskiy sled» v regional'noy politike. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2019, vol. 18, No. 3, pp. 540–559.
24. Konkin D.V. Sheykh Mansur i ego nasledovately v Krymu (konets XVIII v.). *Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Istoricheskiye, kul'turnyye, mezhnatsional'nyye, religioznyye i politicheskiye svyazi Kryma so Sredizemnomorstkim regionom i stranami Vostoka” (Sevastopol', 6–10 oktyabrya 2020 g.)*. Vol. 2, Moscow, 2020, pp. 134–139.
25. Lashkov F.F. Krymsko-turetskiye dela 80-kh godov XVIII stoletiya. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, 1894, No. 17, part 3, pp. 155–162.
26. Lashkov F.F. Okhrana Kryma vo vtoruyu turetskuyu voynu 1787–1791 goda. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1889, № 8, pp. 52–87.
27. Lashkov F.F. Materialy dlya istorii vtoroy turetskoy voyny 1787–1791 g. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1890, No. 9, pp. 71–98.
28. *Zapiski nekotorykh obstoyatel'stv zhizni i sluzhby Deystvitel'nogo Taynogo Sovetnika, Senatora I.V. Lopukhina, sochinennyye im samim. Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri moskovskom universitete*, 1860, book 3, part II (Materialy otechestvennyye), pp. 83–172.
29. Madariaga I. *Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoy*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2002.
30. Markevich A.I. K stoletiyu Otechestvennoy voyny. Tavricheskaya guberniya v svyazi s epokhoy 1806–1814 godov. Istoricheskiy ocherk. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1913, No. 49, pp. 1–100.
31. *Zapiski D.B. Mertvago (1760–1824)*. St-Petersburg, Russkaya simfoniya Publ., 2006.
32. Mikhaylovskiy-Danilevskiy A.I. *Opisaniye turetskoy voyny v tsarstvovaniye imperatora Aleksandra, s 1806 do 1812 g.* Part 1, 2. St-Petersburg, Tip. shtaba otdel'nogo korpusa vnutrenney strazhi, 1843.
33. Mikhaylovskiy-Danilevskiy A.I. Iz vospominaniy Mikhaylovskogo-Danilevskogo. 1818 g. Gl. I–III. *Russkaya starina*, 1897, vol. 91, part 7–9, pp. 69–102.
34. Noymann I. *Ispol'zovaniye «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovaniy evropeyskikh identichnostey*. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2004.
35. Petrov A. *Voyna Rossii s Turtsiyey 1806–1812 gg. Vol. 1. 1806 i 1807 gg. Mikhel'son i Meyyendorf*. St-Petersburg, Voyennaya tipografiya Publ., 1885.
36. Petrosyan I.E. *Yanychary v Osmanskoy imperii. Gosudarstvo i voyny (XV – nachalo XVII v.)*. St-Petersburg, Nauka Publ., 2019.
37. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye*. St-Petersburg, Tip. SEIV Kantselyarii, 1830.

38. Konkin D.V., Khrapunov N.I. (Ed.), *Rossiyskaya imperiya i Krym*. Simferopol, Izdatel'skiy dom KFU Publ., 2020.
39. Said E. *Orientalizm*. St-Petersburg, Russkiy mir Publ., 2005.
40. Sakovich A.V. *Krymskiye tatory na voyennoy sluzhbe Rossiyskoy imperii*. Moscow, Fond "Russkiye Vityazi" Publ., 2016.
41. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva*. 1891, Vol. 77; 1892, Vol. 82.
42. Smirnov N.A. Sheykh Mansur i ego turetskiye vdokhnoviteli. *Voprosy istorii*, 1950, No. 10, pp. 19–39.
43. Smirnov N.A. *Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vv.* Moscow, 1958.
44. Stanislavskaya A.M. *Russko-angliyskiye otnosheniya i problemy sredizemnomor'ya (1798–1807)*. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ., 1962.
45. Khrapunov N.I. Krym v kontekste franko-russkikh otnosheniy epokhi Napoleona. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2019, vol. 21, No. 2 (187), pp. 69–86.
46. Charopka S.A. Voyska VKL u svyatle vayennay r-eformy 1717 g. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly*. Part 1, Minsk, 2012, pp. 336–343.
47. Cherepko S.A. Evolyutsiya sistemy voinskikh znakov otlichiya v armii Velikogo knyazhestva Litovskogo v XVIII – nachale XIX vv. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*, 2019, No. 4 (115), pp. 50–54.
48. Cherkasov P.P. Frantsiya i prisoyedineniye Kryma k Rossii (1779–1783). *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka*, Vol. 3, Moscow, 2000, pp. 37–61.
49. Cherkasov P.P. *Ekaterina II i Lyudovik XVI. Russko-frantsuzskiy otnosheniya. 1774–1792*. Moscow, Nauka Publ., 2004.
50. Shatne M. du. *Zhan Batist de Traverse, ministr flota*. Moscow, Nauka Publ., 2003.
51. Shilder N.K. *Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovaniye*. Vol. 4. St-Petersburg, Izdaniye A. S. Suvorina, 1898.
52. Goodwin G. *The Janissaries*. London: Saqi Publ., 2006.
53. Marsigli L.F. *L'Etat Militaire de l'Empire Ottoman*. P. II. Haye: P. Gosse & J. Neaulme, P. de Hondt, A. Moetjens; Amsterdam: H. Uytwerf, F. Changuion, 1732.
54. Nicolle D. *The Janissaries*. London, Osprey Publ., 1995, 64 p.
55. O'Neill K. A. *Claiming Crimea: A History of Catherine the Great's Southern Empire*. Yale, University Press, 2017.
56. Rambaud A. Le duc de Richelieu en Russie et en France. *Revue des deux mondes*, 1887, Vol. 84, pp. 618–662.
57. Twardowski B. *Wojsko Polskie Kosciuszki w roku 1794*. Poznan, Nakladem Ksiegarni Katolickiej, 1894.
58. *Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX-pijarow w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydane*. T. VI. Petersburg, Nakladem I drukiem Josafata Ohryzki, 1860.

Информация об авторе

Конкин Д. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; старший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAC-3468-2019.

Information about the author

Konkin D. V. – Candidate of Science (History), Head of the Modern History Department at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Senior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAC-3468-2019.